

Игра короля

Александр Гордон, Хайфа

*Посвящается памяти друга юности и коллеги, шахматного мастера и доктора физики Леонида Слуцкого, по замыслу которого написана эта статья
На снимке: мастер спорта, доктор физики Леонид Слуцкий - участник шахматного турнира в 1974 году*

Игрок, мыслитель, психолог, математик, теоретик шахматного искусства, чемпион мира в течение двадцати семи лет (больше, чем кто-либо), заядлый курильщик, Эмануил (правильнее - Эмануэль) Ласкер был одной из самых значительных личностей, которую выдвинул шахматный мир. Он был величайшей фигурой не только на шахматной доске. "Эмануил Ласкер был, несомненно, одним из наиболее интересных людей, с которыми мне довелось познакомиться за последние годы" - писал Альберт Эйнштейн.

Альберт Эйнштейн

Эмануил Ласкер, второй чемпион мира по шахматам, родился в 1868 году в Берлинхене (Пруссия). Отец его был кантором в синагоге, а дед - раввином. Старший брат будущего чемпиона мира Бертольд научил его игре в шахматы, когда Эмануил переехал в Берлин, чтобы изучать математику.

В 1901 году, по рекомендации великого немецкого математика Давида Гильберта, Ласкер представил в Эрлангенском университете свою диссертацию «О рядах на границе сходимости», написанную под руководством известного немецкого математика еврейского происхождения Макса Нётера, и в том же году она была опубликована. Ласкер получил степень доктора философии по математике в 1902 году. Его самая известная математическая работа, опубликованная в 1905 году, доказывала для колец многочленов аналог разложения на простые множители: существование примарного разложения, то есть разложение произвольного идеала в пересечение конечного числа примарных. Эта теорема была в дальнейшем

обобщена выдающимся математиком Эмми Нётер (дочерью Макса Нётера) на случай произвольных коммутативных нётеровых колец и получила название теоремы Ласкера-Нётер.

В 1906 году Ласкер выпустил брошюру «Борьба», в которой изложил своё видение теории игр, распространив её на экономику. Есть предположение, что эта работа повлияла на выдающегося учёного Джона фон Неймана.

В одной из бесед профессор Натан Розен, сотрудник Эйнштейна по Принстонскому институту высших исследований, рассказал мне историю, которую он слышал от великого физика. В 1927 году Эйнштейн познакомился в Берлине с Эмануилом Ласкером, которого он называл "человеком Ренессанса". Розен упомянул об ошибочном подходе Ласкера к теории относительности. Уже после опубликования астрономических наблюдений, подтвердивших результаты общей теории относительности, Ласкер поставил свою подпись на "Памфлете ста авторов" (1931), критиковавших теорию относительности. Обладавший мощным интеллектом, доктор математики Эмануил Ласкер не принимал релятивизацию времени, которую мгновенно узрел как следующую из важнейшего положения теории относительности - постоянства скорости света в пустоте. В предисловии к биографии Э. Ласкера, написанной Жаком Ханнаком, Эйнштейн воспроизводит оригинальную и ошибочную критику Ласкером теории относительности. Как человек, имеющий чёткие философские взгляды, Ласкер не мог смириться с "перестройкой", произведенной теорией относительности в воззрениях на пространство и время. Во время совместных прогулок говорил в основном Ласкер. Чемпион мира был во многом чуждым Эйнштейну человеком, хотя тот ценил в великом шахматисте "редкую независимость личности", которая "сочеталась с живым интересом ко всем крупным проблемам человечества". Философия Ласкера, изложенная в его книге "Философия несовершенного", мешала ему воспринимать новую теорию.

Дух соревнования, которым Ласкер был охвачен всю жизнь, был также чужд Эйнштейну. Великий физик писал: "Лично мне борьба за власть и дух соревнования даже в виде высокоинтеллектуальной игры всегда были чужды". Эйнштейн отметил, что личность Ласкера "произвела на меня несколько трагическое впечатление". Он писал: "Чудовищное интеллектуальное напряжение, без которого нельзя стать шахматистом, так тесно переплелось в его сознании с шахматами, что дух этой игры никогда не покидал его, даже когда он размышлял над философскими или человеческими проблемами".

Эйнштейн пришёл к сомнительному выводу в отношении своего собеседника. Он считал, что шахматы не были целью, а скорее профессией Ласкера. Он проводил параллель между шахматами в жизни второго чемпиона мира и шлифованием линз в жизни Спинозы. Он утверждал, что линзы для Спинозы

и шахматы для Ласкера были средством существования. Он считал, что Спиноза был счастливее Ласкера, ибо шлифование линз оставляло больше свободы мысли, чем шахматы. Эйнштейн полагал, что основная цель Ласкера - научное познание и его красота. Трудно сказать, ошибался ли Эйнштейн в отношении Ласкера или фантазировал. Не исключено, что блестящий психолог Эмануил Ласкер, как и в шахматах, навязал собеседнику свою игру, то есть тот образ самого себя, который хотел у него вызвать. Эйнштейн хотел в нём видеть учёного и мыслителя, и Ласкер добился создания нужного образа. В действительности Ласкер был, прежде всего, великим шахматистом и профессиональным игроком. Начиная с 1888 года, он играл в шахматы на деньги в берлинских кафе. Он играл, чуть ли не до последнего дня своей жизни. В течение двадцати семи лет (1894-1921 гг.) он был чемпионом мира, но и после потери этого титула он почти двадцать лет играл в шахматы, добиваясь выдающихся результатов и опережая на турнирах отобравшего у него шахматную корону Хосе Рауля Капабланку. Ласкер любил играть вообще, не только в шахматы. Он прекрасно играл в бридж и в го. В 1930-х годах он был членом сборной Германии по бриджу. Вместе со своим дальним родственником Эдуардом Ласкером он был одним из популяризаторов игры го, завезенной из Японии в Европу в начале XX века. В 1929 году Ласкер опубликовал книгу "Стратегия карточной игры". Он, несомненно, был великим игроком.

Из огня в полымя

В 1933 году Ласкер и его жена Марта, внучка знаменитого композитора Джакомо Мейербера, будучи евреями, бежали от нацистских преследований. Нацисты изъяли их собственность, забрали их дом. Супруги переехали в Англию. В 1935 году экс-чемпион мира вёл безуспешные переговоры о работе с хайфским Технионом. Ласкер был человеком левых взглядов, и Советский Союз, в котором он уже бывал на турнирах, привлекал его больше, чем капиталистическая Англия. По приглашению наркома юстиции, большого любителя шахмат Николая Крыленко он переехал из Англии в СССР в 1935 году. Поскольку в Советском Союзе не признавали профессиональный спорт, Ласкера зачислили в Математический институт АН СССР. Супруги получили квартиру на Арбате. Ласкер представлял Советский Союз на соревнованиях и был корреспондентом газеты "Советский спорт", освещавшим матч на первенство мира по шахматам между А. Алёхиным и М. Эйве в Голландии.

Лилианна Лунгина в книге "Подстрочник" (2010) описывает жизнь Ласкера в Москве. Она вспоминает, как Ласкер подружился с её отцом, как "по воскресеньям, два-три раза в месяц, мы ходили всей семьёй к ним (*Ласкерам* - А. Г.) обедать" и как он переживал из-за войны в Испании: "Это был тридцать шестой год. Ласкер жил войной в Испании. Я помню, у него вся комната была уставлена стеллажами с книгами, а целую стену занимала карта Испании. С красными флажками, которые он перекалывал по мере

продвижения войск".

Лунгина описывает состояние Ласкера в 1937 году, когда начались репрессии: "Одним из первых высоких чинов арестовали Крыленко. А Крыленко был тогда наркомом, любил шахматы и руководил шахматным обществом. Это был человек, к которому Ласкер мог обратиться, который приходил к нему в гости, иногда бывал и на этих воскресных обедах. И я очень хорошо помню, как Ласкера охватил страх". Помню, как о своём страхе перед происходящим в СССР в 1937 году мне рассказывал профессор Н. Розен, проработавший в СССР два года и бежавший оттуда в США, когда из газет ему стало известно о чудовищных репрессиях. Лунгина продолжает: "А потом и других знакомых Ласкера арестовали. И на каком-то очередном обеде он нам сказал: всё, мы попросили визу, уезжаем в Америку. Мы боимся здесь оставаться". Ласкеры взяли билеты туда и обратно, оставили берлинскую мебель и все вещи в своей московской квартире и навсегда уехали из СССР. Чего боялся Ласкер?

Шахматное дело

В ходе кровавых судебных процессов 1937 года были арестованы шахматисты, люди, близкие к Крыленко, которых упоминает Лунгина. Самый известный из них - шахматный мастер Николай Дмитриевич Григорьев, четырёхкратный чемпион Москвы, упомянутый в книге И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" как "доктор Григорьев", шахматный судья и журналист Валериан Евгеньевич Еремеев и шахматный композитор, журналист и переводчик Пётр Муссури (сотрудник газеты «64»), хорошо знакомые с Ласкером. Накануне ареста Григорьев и Еремеев прибыли на Дальний Восток для участия в чемпионате Края. Там они встретились с маршалом В. К. Блюхером и рассказали ему о репрессиях в Москве. По возвращении из дальневосточной командировки они были арестованы. Позже был арестован и маршал. Муссури был очень быстро расстрелян. Арестованных шахматистов пытали, чтобы получить показания против Крыленко. Григорьев был избит до такого состояния, что не мог отвечать на вопросы. Крыленко обвиняли в шпионаже в пользу Германии. В этом смысле привлечение к делу немецкого подданного Эмануила Ласкера могло оказаться полезным для следственных органов, но великий шахматист покинул СССР. Неожиданно Григорьева выпустили из тюрьмы. Видимо, от освобождённого Григорьева, у которого побывало много шахматистов, или от пережившего сталинские лагеря Еремеева стало известно о попытках следствия включить в дело Ласкера. Почему Григорьев оказался на свободе? Возможно, Крыленко на допросах предупредил органы, что если они тронут Ласкера, разразится неслыханный международный скандал. НКВД то ли медлил, то ли не решился сочинить дело о шахматистах-шпионах. Может быть, органы ждали указания сверху, но не дождались.

Какова могла быть судьба Ласкера, можно распознать по случаю Фрица Нётера, талантливого математика, младшего брата знаменитой Эмми Нётер, бежавшего от нацистов в СССР. Профессор математики университета Бреслау, Фриц Нётер, оставил Германию в 1934 году и получил должность профессора в Томском университете. В 1937 году он, еврей, был осуждён за шпионаж в пользу нацистской Германии, а в сентябре 1941 года был расстрелян.

Одним из занятий Ласкера была борьба за достойную оплату выступлений шахматистов. Фактически он был первым, кто требовал узаконения шахмат как профессионального спорта. Он считал, что хорошие шахматисты должны зарабатывать своей игрой. В его время существовало сопротивление превращению шахмат в источник заработка. Многие выдающиеся шахматисты, например, первый чемпион мира Вильгельм Штейниц, бедствовали. Ласкер был первым в истории "шахматным профсоюзом". Его борьба за права шахматистов была частью его концепции защиты прав работающих людей. Великий шахматист кренился влево. Спасшийся от советских репрессий, Ласкер всё же не понял суть режима в стране, в которой прожил два года. Он считал, что СССР - общество будущего, ибо в нём нет столь утомившей его за долгие годы конкуренции. В 1940 году он опубликовал утопическую работу "Община будущего", где описал общество без конкуренции. Он отказался от идей, изложенных им в ранней работе "Борьба". У Ласкера был синдром левизны, характерный для большинства западноевропейских евреев тогда и сейчас.

Кровавая игра

Хотя отец Ласкера был кантором, а дед - раввином, сам великий шахматист был далёк от иудаизма и ни выдвигал никаких еврейских идей. Однако в 1911 году он опубликовал в венской шахматной газете статью о причинах увлечения евреев шахматной игрой. В статье "Евреи в шахматах" (2009) сотрудник Иерусалимского университета д-р Савелий Дудаков, шахматный мастер, так прокомментировал эту статью: "По поводу одного из сильнейших турниров начала века – Карлсбадского международного турнира 1911 года, где среди 26 участников было 12 евреев, или почти 50 процентов – в шахматном отделе "Пестер Ллойд", редактируемом Ласкером, появилась статья, принадлежавшая самому редактору, посвящённая вопросу о причинах большого числа евреев среди шахматистов. Объяснение Ласкера носит социологический характер. Автор полагает, что вследствие тяжёлых исторических условий у евреев получили сильное развитие фантазия и воля – компоненты, необходимые шахматисту. Кроме того, евреи бедны, многие профессии для них недоступны, а отсюда – тяга к неординарным профессиям, связанным со сценой, писательством и даже игрой в шахматы. Последнее вряд ли можно отнести к профессиям, дающим определенный заработок, но они дают возможность выделиться из толпы, а "бедность переносится легче, когда имеешь сознание того, что ты незаурядный человек". Тема "евреи в шахматах" оказалась привлекательной для другого шахматного короля, русского гроссмейстера Александра Алехина, непобеждённого чемпиона мира.

Алехин дал иную, отличную от ласкеровской, трактовку тяги евреев к шахматам и их вклада в развитие этой игры в публикации, появившейся через тридцать лет после выхода статьи Ласкера и через два месяца после смерти экс-чемпиона мира. Тогдашний чемпион мира по шахматам Александр Алехин приписал Ласкеру зловерные еврейские идеи в серии статей под названием "Арийские и еврейские шахматы", опубликованных на немецком языке в Германии и оккупированных нацистами Франции и Голландии в газетах «Pariser Zeitung» и «Die Deutsche Zeitung in den Niederlanden» (а затем перепечатанных в «Deutsche Schachzeitung»), 18-23 марта 1941 года. Публикация русского шахматиста явилась повторением известной юдофобской статьи знаменитого композитора Рихарда Вагнера "Еврейство в музыке" (1850). Алехин писал: "Можно ли надеяться, что со смертью Ласкера - смертью второго и, по всей вероятности, последнего еврейского чемпиона мира по шахматам - арийские шахматы, которые из-за еврейской оборонительной идеи пошли по ложному пути, вновь найдут дорогу к всемирным шахматам? Позвольте мне не быть в этом вопросе слишком оптимистичным, ибо Ласкер пустил корни и оставил нескольких

последователей, которые смогут нанести мировой шахматной мысли ещё немало вреда.

Большая вина Ласкера как ведущего шахматиста (не хочу и не могу о нём говорить как о человеке и "философе") имеет много сторон...он ни одной минуты не думал о том, чтобы передать шахматному миру хотя бы одну собственную творческую мысль...шахматному маэстро Ласкеру была чужда сама идея атаки как радостной, творческой идеи, и в этом отношении Ласкер был естественным преемником Стейница (*первый чемпион мира по шахматам, тоже еврей - А. Г.*), величайшего шута, которого когда-либо знала шахматная история".

Алехин, выдвинувший идею "арийских и еврейских шахмат", размышлял в духе нацистских идеологов, придумавших, например, арийскую, "правильную", экспериментальную и еврейскую, "ошибочную", теоретическую физику. В этом ключе он критикует одного из последователей Ласкера рижского гроссмейстера Аарона Нимцовича, используя расистскую терминологию: "1) его идея "лабиринта" есть не что иное, как разновидность уже известного выжидания ошибки соперника по Стейницу и Ласкеру; 2) идея "избыточной защиты" (преждевременной защиты предположительно слабых пунктов), опять-таки чисто еврейская, препятствующая духу борьбы. Иначе говоря, страх перед борьбой! Сомнение в собственных умственных силах - впрямь печальная картина интеллектуального падения!...Рижский еврей Аарон Нимцович относится скорее к эпохе Капабланки, нежели к эпохе Ласкера. На его инстинктивную антиарийскую шахматную концепцию странным образом - подсознательно и вопреки его воле - влияла славянско-русская наступательная идея (Чигорин!). Я говорю подсознательно, ибо трудно даже представить себе, как он ненавидел нас, русских, нас, славян!" Ещё яснее пишет Алехин о "разрушительной" роли Ласкера и "еврейской шахматной мысли" в истории шахмат: "Всё яснее становится единство разрушительной, чисто еврейской шахматной мысли (Стейниц - Ласкер - Рубинштейн - Нимцович - Рети), которая в течение полувека мешала логическому развитию нашего шахматного искусства". Посмертное обвинение Ласкера в создании "неправильных" "еврейских шахмат" было одним из мотивов прелюдии к уничтожению евреев, уже игравшейся в тогдашней Европе.

На мюнхенском Европейском шахматном турнире в сентябре 1941 года, в котором Алехин участвовал как представитель вишистской Франции, его стол был украшен флагом со свастикой. Непобеждённый чемпион мира Алехин ошибся: Ласкер не стал " последним еврейским чемпионом мира по

шахматам", после него шахматную корону получали и другие евреи. Алехин, желавший спасти от рук нацистов свою жену-еврейку, не заметил, что его статьи не ограничились шахматами, а явились смертельной угрозой для многих евреев.

Ласкер не дожил до Катастрофы еврейского народа, судьбой которого он мало интересовался. Он был погружён в Игру и не представлял, что вокруг неё может сложиться кровавый навет на евреев и что на шахматную доску падёт кровавый отсвет будущих ходов геноцида еврейского народа.